

ОРЛОВ И. Д. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ОРЛОВ Иван Дмитриевич, родился в 1899 в деревне Полуж Краснопольского уезда Могилевской губ., где и проживал, занимался сельским хозяйством. В середине 1920-х — вступил в колхоз, был членом Правления Райхозсоюза. 22 октября 1933 — арестован как «участник контрреволюционно-вредительской организации», 10 января 1934 — приговорен к 8 годам ИТЛ и отправлен в Дмитровский лагерь¹.

<18 марта 1935>

«Е. П. Пешковой в Комитет Помощи
Полит<ическим> Заключенным
Москва Кузнецкий мост, 24

Заключенного Орлова Ивана
Дмитриевича, находящегося в
Дмитровском исправительном
трудовом лагере НКВД СССР
на 3-м Стройучастке, Икшенского
р<айо>на при ст<анции> Икша,
Савеловской ж<елезной> д<ороги>

Жалоба

22 октября 1933 года Могилевским опер<ативным> сектором П<олномочного> П<редставителя> ОГПУ БССР, я был арестован, и мне было предъявлено обвинение по ст<атье> 64-76 УК, а Постановлением Тройки ПП ОГПУ БССР от 10/1-1934 года по тем же ст<атьям> УК я приговорен к 8 годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Главными и основными мотивами моего ареста и заключения являются то, что был арестован б<ывший> офицер Гнилорыбов Александр, состоявший агрономом-плановиком Краснопольского райхозсоюза БССР, членом правления коего состоял и я, питая ко мне злобу за мои революционные действия и за разоблачения его Гнилорыбова анти-колхозных установок, в момент его ареста, с целью отомстить мне показал, что якобы и я им Гнилорыбовым и Шальпо Андреем (не привлеченным по делу к ответственности), был завербован в какую-то, не существовавшую даже в моем воображении, контрреволюционно-вредительскую организацию.

Будучи поставлен в тяжелые условия изоляции (лишение передач, свиданий, прогулок и проч<ее>), с одной стороны, и, уступая форменным требованиям добивавшегося у меня "признаний" следователя Жуковского, с другой, я вынужден был давать показания под диктовку того же Жуковского и изобличать себя и других о своей якобы причастности к вредительским актам.

Делал это потому, что голодовкой и карцером был доведен до полного истощения и потому, что сразу же после наговоров небылиц на себя, сразу же разрешились передачи, прогулки и свидания с семьей.

Несмотря на то, что мое наказание является ничем иным, как актом кулацко-белогвардейской мести, и напоминает времена Средневековья, когда ни в чем не повинных людей под воздействием пыток заставляли говорить то, что никогда в жизни не делали, я никак не в состоянии добиться справедливого пересмотра своего дела, несмотря на полнейшую непричастность к каким бы то ни было преступлениям.

¹ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

Изложенные обстоятельства понуждают меня обратиться к Вам, гражд<анка> Е. П. Пешкова, с великой просьбой, войти с ходатайством перед соответствующими органами рабоче-крестьянской власти о пересмотре моего дела и об освобождении меня из-под стражи, как совершенно невинного.

О принятых Вами мерах убедительно прошу поставить меня в известность.

Проситель Ив<ан> Орлов.

18/III-1935 года»².

В 1937 — Иван Дмитриевич Орлов был переведен в лагерь в Каспийске и он вновь просил помощи Помполита³. В октябре 1941 — несмотря на окончание лагерного срока, не был освобожден и оставлен работать в лагере в Каспийске как вольнонаемный. 26 февраля 1944 — скончался там⁴.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1311. С. 211-212. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1520. С. 204-205.

⁴ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.